

* * *

Е.Я. Никитина

Когда летом 2020 года я узнала, что Александр Ильич Назаров хочет собрать и опубликовать воспоминания о моём отце, моей первой мыслью было, что это замечательная идея, но мы, родственники, конечно, принимать в этом участия не будем. Рана была ещё очень свежа, и казалось, что писать мемуары о близком человеке просто невозможно: о чём написать, если знаешь так много? с какой стороны зайти? с чего начать? Однако с течением времени, видя, как сосредоточенно и мучительно погружается в воспоминания о папе моя мама и как это становится для неё важной составляющей жизни, я поняла, что и сама готова взяться за перо. В качестве жанра я выбрала короткие истории, по большей части забавные, которые, надеюсь, раскроют личность моего отца с новой стороны и добавят к его портрету несколько штрихов.

* * *

Одно из моих первых воспоминаний. Я сижу на коленях у папы в Павловске перед сценой на детской площадке. Мне три года и 10 или 11 месяцев: это я знаю точно, потому что в Павловске мы бывали только в июле-августе, а день рождения у меня в сентябре; детской площадки же в парке нет уже не один десяток лет. На сцене выступают дети: видимо, делают кто что умеет. Одна девочка называет своё имя и возраст – четыре года, – и загадывает загадку: «Сидит девица в темнице, а коса на улице». Я в безумном восторге и одновременно завидую девочке, ведь ей четыре, а мне ещё нет, а я тоже хочу! Папа серьёзно на меня смотрит и многозначительно изрекает: «Ты только подумай: если тебе будет четыре, тебе больше никогда не будет три!»

На этой фотографии мне нет ещё и двух лет

* * *

В возрасте месяцев семи или чуть позже подавляющее большинство детей начинают ползать. А вот я почему-то не ползала, хотя в остальном развивалась как надо. Поэтому даже когда мне было уже за 30, папа иногда полушутя, полусерьёз говорил мне: «Да что с тебя взять, ты даже ползать не научилась!»

* * *

Как-то в юности я решила составить список своих любимых поэтов, писателей, художников... (возможно, заполняла какую-то анкету – сейчас уже не помню). Спрашиваю у папы: «А это не странно, что у меня любимые художники Караваджо и Моне? Они же такие разные». Он отвечает: «Нет, почему же? Вот у меня любимые – Шагал и Гейнсборо». На самом деле, папа любил и Караваджо, и Альма-Тадему, и ещё множество других художников разных эпох и стран (об этом подробно написала в своих воспоминаниях моя мама), но в тот момент он назвал именно тех двоих.

* * *

Папа научил меня любить поэзию Мандельштама. В одиннадцатом классе, когда я долго сидела дома из-за пневмонии, у меня почему-то возникла потребность почитать что-нибудь из русской поэзии, причём из XX века. Я её знала плохо, несмотря на то что кое-что даже проходили в школе (шёл 1992 год – слом эпох). Однако мне очень хотелось найти «своего» автора. Мама предлагала Есенина, Блока, кого-то ещё, но я на всё говорила: «Не то!» А папа предложил Мандельштама, и я, прочтя всего несколько стихотворений, «вся обомлела, запылала и в мыслях молвила: “Вот он!”». До сих пор нет для меня поэта любимее и дороже, и то, что в его стихах, мягко говоря, не всё понятно, страстной любви не мешает. Папа понимал в стихах Мандельштама не больше меня, но ценил его за ни с чем не сравнимую музыку его стихов. Часто полушутя говорил: «Ну, Мандельштаму же кто-то нашёптывал...». Это к тому, что у Мандельштама почти нет черновиков: по воспоминаниям современников, он часто «выборматывал» отдельные строчки во время прогулок.

Но папа ещё очень ценил Ахматову, а вот с ней у меня не сложилось. Да и вообще, он любил и знал поэзию – прежде всего русскую, но не только (из зарубежных поэтов одним из его любимцев был Гейне), а мои поэтические горизонты довольно узки.

* * *

Папа также приучил меня к классической фантастике – к той, что издавалась ещё в СССР и называлась science fiction (фэнтези ему было неинтересно – впрочем, Толкина, насколько я помню, он даже и не читал). Выше всех он ставил Азимова, Шекли и особенно Брэдбери (кажется, он

также ценил Лема, но его я не читала и поэтому никогда с папой не обсуждала). При этом техническая сторона была последним, что его привлекало. Он ценил блистательные азимовские парадоксы, в том числе основанные на им же разработанных трёх законах роботехники (именно такое слово было придумано советским переводчиком для передачи английского robotics – теперь нам привычнее слово «робототехника»). Ценил и блестящий юмор Шекли (среди его любимых были короткие рассказы «Служба ликвидации» и «Абсолютное оружие»), которого и я в подростковом возрасте читала взахлёб. Моя мама, за редким исключением, не любила и не понимала фантастику. Когда она говорила, например, о Брэдбери, что ей не слишком интересно читать про космические путешествия, папа отвечал: «Боже мой, но это же не про Марс! Это про людей!» Возможно, именно поэтому его никогда не интересовали голливудские фантастические фильмы, где акцент всё-таки делается на зрелищности, а не на психологии.

В девяностые годы, когда стали переводить и печатать много фантастики, доселе неизвестной советскому читателю, а у меня появились собственные деньги, мы с папой радостно хвастались, кто какой сборник «отхватил», делились впечатлениями о новых авторах. С годами интерес к фантастической литературе у нас обоих поулегся: было ощущение, что всё лучшее написано в середине XX века, а новое не может с ним конкурировать. Однако те прочитанные в отрочестве рассказы Брэдбери и Шекли до сих пор занимают особое место в моём сердце. И в их оценке я, пожалуй, согласна с папой на 100%.

* * *

Папа практически не признавал голливудское кино, и в этом мы с мамой были с ним совершенно согласны. Вернее, не так: некоторые старые голливудские фильмы он ставил очень высоко: например, «Римские каникулы», «В джазе только девушки» и почти все фильмы с Вивьен Ли. Более позднее голливудское кино за редкими исключениями для него практически не существовало: оно казалось ему примитивным, имеющим предсказуемые сюжеты и топорную режиссуру. Он предпочитал европейское кино, в частности, очень высоко ставил Феллини и многих других итальянских режиссёров, причём помимо серьёзного кинематографа любил и старые итальянские комедии (вроде «Развода по-итальянски» и приведившего его в полный восторг фильма «Блеф» с Адриано Челентано). Особенно он выделял фильмы с участием блестящего дуэта Софи Лорен – Марчелло Мastroяни, например, комедии «Брак по-итальянски» и «Вчера, сегодня, завтра», а также малоизвестный, но произведший на моих родителей большое впечатление щемящий фильм Этторе Сколы «Необычный день», где любимые актёры явились в непривычных амплуа: она – в роли глуповатой восторженной домохозяйки, жены фашистского чиновника и страстной поклонницы Муссолини, он – в роли антифашиста и гомо-

сексуала; весь фильм фактически состоит из диалога этих абсолютно разных людей, единственных, кто остался в доме, остальные обитатели которого отправились на торжественную встречу с дуче. Папа также высоко ценил польское кино (например, старый фильм «Поезд» Ежи Кавалеровича, «Короткий фильм о любви» и «Белый» Кшиштофа Кесьлёвского, недавний фильм Павла Павликовского «Холодная война» и т. д.).

В связи с моей и маминой профессией (мы обе – преподаватели французского) мы всегда смотрели много французского кино: папа, конечно, был равнодушен к культовым фильмам его с мамой молодости «Шербурские зонтики» Жака Деми и «Мужчина и женщина» Клода Лелуша; любил фильмы с суровым Лино Вентурой, который был для него идеалом героя-мужчины. Из недавних фильмов папа высоко оценил серьёзный, казалось бы, почти лишённый действия, но в то же время держащий в напряжении фильм о деле Дрейфуса «Офицер и шпион» Романа Поланского с Жаном Дюжарденом. Современные французские комедии, которые я в большом количестве скачивала в последние годы, папе нравились редко: часто он даже уходил минут через 15 от начала, чтобы не тратить время на проходную чушь; ему пришлось по душе лишь совсем свежая комедия с тем же Дюжарденом об обаятельном трусе и дезертире наполеоновских времен (в русском прокате фильм «Le retour du héros» – «Возвращение героя» – получил нелепое название «Сердцеед»).

Никогда не питавший интереса к азиатской культуре, папа влюбился в Чжана Имоу после его изумительного по красоте и тонкости фильма «Подними красный фонарь». Позже он высоко оценил его же общепризнанный шедевр – фильм «Герой».

Голливудские фильмы папа соглашался смотреть только тогда, когда режиссёр был европейцем (например, Милош Форман, Серджионе Леоне, Джон Шлезингер). Если же фильм был чисто американским, то он с досадой восклицал: «Голливуд есть Голливуд! Всё у них есть: и актёры сильные, и костюмы прекрасные, и оператор хорош, и художник гений, но нет ни сценария, ни режиссуры – примитив!» Конечно, были и исключения (например, «Серьёзный человек» братьев Коэнов), но их было немного. Надо признаться, что эти эстетические воззрения мы с мамой полностью разделяли.

* * *

Папа поражал неподготовленных слушателей своей точной оценкой расстояния в минутах, например: «От нашего дома до метро минуты четыре». Или «Туда идти минут семнадцать». Не знаю, возможно, это характерно для многих математиков, но «нормальные» люди (например, мой муж, окончивший отделение механики мат-меха) всё-таки округляют минуты до 5 или 10. Ну а мы с мамой так привыкли к этому, что и сами так говорим, не замечая странности.

* * *

Первым лекционным курсом, который мне поручили читать на филфаке, было «Страноведение Франции». В самом начале первой лекции я бодро рассказала студентам, что Франция, по мнению французов, имеет форму шестиугольника, за что они почти официально называют её l'Hexagone, «ну, а для нас она, сами знаете, имеет форму чайника». Студенты вежливо промолчали и лишь что-то записали. На следующий год я повторила ту же фразу, уточнив, что французы-то, оказывается, удивляются, узнав, что их страна похожа на чайник, тогда как у нас это знает каждый ребёнок! Студенты опять промолчали. Лет через пять кто-то из студентов наконец выразил удивление: «Надо же, никогда не слышал про чайник! А ведь и правда!» – «Как не слышали? – удивилась я. – Это же совершенно очевидно. Бретань – это носик. На крышечке – Кале и т. д. Италия – сапог, Франция – чайник, это что, новость?» На следующий год я снова столкнулась с удивлением студентов в связи с подобным сравнением Франции. Тогда я наконец догадалась спросить аудиторию: «Так... Хоть кто-нибудь слышал, что Франция похожа на чайник?» Оказалось, что никто. Потрясённая, я спросила мужа, затем всех моих знакомых: никто, нет, НИКТО никогда не слышал ничего подобного! Более того, даже Гуглу ничего об этом неизвестно! Оказалось, что сравнение, усвоенное мною в раннем детстве и казавшееся мне таким естественным, принадлежит моему папе (впрочем, возможно, автором был кто-то из его родителей – теперь это уже установить затруднительно)! Что ж, я продолжаю говорить студентам о чайнике, но теперь уже с уточнением: «А вот меня в детстве учили...»

* * *

Папа очень любил еврейские анекдоты. Только не грубоватые одесские, а скорее философские, парадоксальные, передающие нетривиальность еврейской мысли. Вот один из его любимых анекдотов, который я тоже оценила, хоть и не сразу:

Приходит человек к раввину и говорит:

– Ребе, помоги, у меня курыдохнут.

– А как ты им зерно сыплешь?

– Ну как? Беру и сыплю. А что?

– А ты с завтрашнего дня сыпь его квадратиками.

Человек удивился, но так и сделал. Приходит он через два дня:

– Ребе, не помогло! Ещё три куры сдохли.

– А ты сыпь им зерно кружками.

Через три дня:

– Ребе, не помогло! Все сдохли, две куры остались!

– А ты сыпь им зерно зигзагами!

Ещё через два дня:

– Всё, ребе, сдохли все мои куры...

– Жаль. У меня было ещё столько вариантов...

В то же время у папы была удивительная особенность: он никогда не помнил анекдотов. Причём это не было связано с возрастом: так было всегда. Ну разве что самые классические (вроде приведённого выше, или про козу, которую нужно было сначала привести в дом, а потом выгнать). Поэтому один и тот же анекдот можно было ему рассказывать чуть ли не раз в месяц. В июне 2020 г. я собиралась рассказать папе замечательный англоязычный анекдот (который он уже однажды оценил, но, конечно, тут же забыл), однако всё как-то не приходилось к слову. Я была уверена, что папа оценит его и во второй раз... но рассказать так и не успела. А вот и сам анекдот:

Однажды в монастыре молодой монах, только-только принявший постриг, получил своё первое задание: переписать несколько церковных книг. Занимаясь делом, он обратил внимание на то, что другие священнослужители переписывают подобные тексты не с оригинала, а с предыдущих, уже не раз переписанных, копий. Он с удивлением поделился своим сомнением с настоятелем монастыря:

– Падре, братья переписывают тексты не с оригинала, а с копий, а вдруг в первой копии кто-то случайно допустил ошибку? Ведь те, кто переписывают, повторяют её!

– Хм, сын мой, — ответил отец-настоятель, — вообще-то мы так делали столетиями... Но, в принципе, в твоих рассуждениях логика есть, — и с этими словами он спустился в архив, находящийся в подzemелье под монастырём, где издревле хранились оригиналы, в которые никто не заглядывал десятилетиями, поскольку всё переписывалось с копий.

Ушёл и... исчез...

Через сутки обеспокоенный молодой монах спустился в архивные помещения, чтобы узнать, куда же запропастился настоятель. Не случилось ли с ним чего? Не сразу он нашёл его... Но заглянув в одну из самых дальних комнат, он вдруг увидел его там. Тот в прострации сидел перед открытым фолиантом и что-то бормотал себе под нос.

– Что произошло, отец? — воскликнул изумлённый монах. — Что случилось?!

– Celebrate, — простонал отец-настоятель, — слово было: c-e-l-e-b-r-a-t-e [праздновать, радоваться]!!! А не celibate [целибат]!

* * *

Как-то в стародавние времена, когда в нашей семье ещё регулярно работал телевизор (последние лет десять мы включали его только ради «Что? Где? Когда?») и папиного футбола), мы с мамой случайно увидели

фрагмент из сериала «Моя прекрасная няня» и вскоре на него «подсели». Папа, естественно, в просмотрах не участвовал: сериалы его не интересовали. Но однажды, проходя мимо телевизора, он остановился: его внимание привлёк снявшийся в одной из серий Филипп Киркоров. Папа досмотрел серию до конца и остался в восторге от того, как Филипп сыграл роль надутой звезды: «Ведь он совершенно себя не жалеет, не боится выставить себя в глупом свете! Играет практически себя, но доведённого до абсурда!»

Однако я бы не писала об этой истории, если бы она не имела продолжения. Через некоторое время папа отправился на конференцию в Грецию. В одном самолёте с ним летел... Филипп Киркоров. Вероятно, Филипп всё-таки летел бизнес-классом, но почему-то от самолёта до здания аэропорта их с папой везли в одном автобусе. И тут мой отец набрался смелости и подошёл к Филиппу, сказав, что очень впечатлён его игрой в «Моей прекрасной няне». Тот сильно удивился: предполагаю, что к нему обычно подходят поклонницы, а не немолодые профессора, и наверняка заводят разговор о песнях, а не о киноролях. Разумеется, папа за творчеством Киркорова не следил и ни одной его песни не знал (ну, может быть, кроме «Зайки моей»). По словам папы, Филипп ответил что-то вроде: «Ну что вы, это же такая ерунда», но было видно, что он польщён. После этого, как утверждает мама (я этого уже не помню), подумав секунду, Киркоров спросил: «Профессор, но как же вас угораздило смотреть такую чушь???»

* * *

Когда я начинала учить французский в спецшколе, т. е. классе в третьем, нам нужно было составить по одной фразе про родителей – естественно, из простых, знакомых третьекласснику слов. Отлично помню, что про папу я написала: *Il s'intéresse aux sports et aux plantes* («Он интересуется спортом и растениями»). Мы потом долго смеялись, потому что если про спорт – истинная правда (папа ежедневно читал газету «Советский спорт» то ли с десяти, то ли и вовсе с восьми лет!), то откуда в моей девятилетней голове выплыли растения – непонятно. У нас никогда не было своей дачи, и мой отец никогда не испытывал ни малейшего интереса к садоводству и огородничеству (как-то, в далёком моём детстве, хозяйка дачи выделила нам кусочек грядки, чтобы мы с папой что-нибудь посадили – мол, ребёнку будет интересно. Помню, как мы проращивали какие-то бобы, потом закопали их в землю... А потом их на корню съели слизи. Больше мы подобных опытов не проводили). Но декоративными растениями на подоконниках в нашей квартире на Невском действительно занимался он.

* * *

Многие папины коллеги знают, что у него был несомненный талант к стихосложению. За жизнь он написал не один десяток стихов «по

случаю». При этом поэтом – боже упаси! – он себя не считал (насколько мне известно, папа за всю жизнь не написал ни одного серьёзного, выстраданного стихотворения) и откровенно называл себя рифмоплётom.

Папа произносит стихотворный тост на юбилее И.П. Вознесенской, октябрь 2009 года

Чаще всего ему приходилось писать поздравительные «оды» на чей-нибудь юбилей: одно время они с мамой считали, что идти на день рождения без стихов просто неприлично, и за пару дней до события папа брался за перо, время от времени представляя получающиеся варианты на наш с мамой суд. Папа и вправду мог сочинить и оду, и сонет, и балладу, был способен творить почти в любом жанре. Для начала нужно было определиться со списком воспеваемых достоинств юбиляра, а затем подобрать наиболее подходящий к конкретному случаю образец, потому что главный папин талант был в умении ухватить авторский стиль и имитировать его. Посему одно из его творений написано в стиле «Ворона» Эдгара По, другое – в духе «Песни о Гайавате» и т. д.

К сожалению, сохранилось из этих стихов немного. Большая их часть была создана в докомпьютерную эпоху, вписана в открытку папиным почти каллиграфическим почерком и подарена адресатам в единственном экземпляре, а черновики сохранить никто не подумал.

Я позволю себе привести здесь три папиных стихотворения в совершенно разных стилях. Первое («Тост к торжественному обеду выпуска 1978 года»), написанное как подражание балладе нежно любимого папой

Роберта Бёрнса «Джон Ячменное зерно» (в переводе Маршака), вероятно, известно многим читателям этих мемуаров, поскольку опубликовано в книге воспоминаний о мат-мехе¹. Однако для неё папа сделал новую редакцию (2012 г.), я же приведу здесь первоначальный вариант 2006 года:

РОДНОЙ МАТМЕХ

*Политбюро разгневал он,
И было решено,
Что навсегда сошлют его
В село Мартышкино.*

*В соседстве с табором цыган
Ему воздвигли дом –
Пусть простоит десяток лет,
Потом пойдет на слом.*

*Коварно сняли поезда,
Метро не провели,
Чтоб изолировать его
От остальной Земли.*

*Злодеи думали, что так
Сгноить его верней –
Зачем нормальная семья
Пошлет туда детей?*

*Потом угробил хунту путч,
Союз распался в клам,
И деньги жалкие платить
Взялись профессорам.*

*Народ рванулся за бугор,
Дефолтом занят был.
О ссыльном
 в Старый Петергоф
Мир как-то позабыл.*

*Но наш герой пока что жив,
Хотя и постарел.
Всё так же ясен ум его,
Стучит по доскам мел.*

*Он остаётся так же мил
Для молодых людей,
Он возбуждает юный пыл,
Бурлит фонтан идей.*

*Так выпьем за него, друзья,
Он нам дороже всех!
Ведь это наш родимый дом,
Любимый наш матмех!*

Два других стихотворения посвящены давней подруге нашей семьи, актрисе Александринского («Пушкинского») театра Ирине Петровне Вознесенской, с которой мои родители случайно познакомились в Крыму в начале семидесятых годов. За долгие годы дружбы папа написал для различных юбилеев и бенефисов Ирины Петровны не меньше десятка стихотворных поздравлений. Я приведу здесь два из них, потому что, во-первых, они сохранились, а во-вторых, они ярко показывают многогранность папиного таланта. Первое представляет собой переделку известной песни «Дорогая моя Москва»:

¹ Матмех ЛГУ – СПбГУ. Шестидесятые и не только: от истоков до дней недавних. Сборник воспоминаний. СПб., 2012. С.512. – Прим. ред.

*ИРИНЕ ВОЗНЕСЕНСКОЙ
(на музыку И. Дунаевского)*

*Я по свету немало хаживал,
Был в театрах, ревью, варьете,
И артистов и наших, и вражеских,
Повидал я во всей полноте.
Но Ирину над всеми возвыся,
Повторяю, восторг затая:
Дорогая моя актриса,
Золотая Ирина моя.*

*Я люблю твои лучшие роли,
Артистический явственный дар,
Через годы нам ясно до боли
Вспоминается твой Комиссар².
Средь берез и среди кипарисов
О тебе вспоминают друзья:
Дорогая моя актриса,
Золотая Ирина моя.*

И.П. Вознесенская у нас в гостях, август 2003

2 Роль Комиссара в «Оптимистической трагедии» стала одной из самых ярких ролей в раннем творчестве Ирины Вознесенской.

*Не забудем твой труд в худсовете,
Антрепризу, гастроль, сериал,
Перед зрителем вечно в ответе,
Ты сражаешь его наповал.
Выступаешь ты без компромиссов,
Облегчаешь нам тяжесть житья –
Дорогая моя актриса,
Золотая Ирина моя!*

Это стихотворение написано в 2019 году и, в сущности, довольно незатейливо. Папа сам сетовал, что писать стало сложнее, что изобретательность и лёгкость уже не те... Пару-тройку десятилетий назад обычно получалось оригинальнее и остроумнее; в доказательство я приведу, на мой взгляд, в высшей степени изящное посвящение той же героине по случаю 40-летнего юбилея её сценической деятельности (2001):

СОНЕТ К ИРИНЕ

Подражание Агриппе д'Обинье (1552–1630)

*Что вижу я? Небесные черты
И каждый миг иное выраженье.
Ах, неужель ты смертных порожденье?
Богинею должна б родиться ты.*

*Что слышу я? Помимо красоты
Таится в ней великое уменье:
Весь шар земной приводит в восхищенье
Её игра, к ногам летят цветы.*

*Что предпочесть: её волшебный взор
Или любезный, мудрый разговор,
Или таланта яркое светило?*

*От умиленья катится слеза,
Меня покинуть сердце уж решило,
Но не решит: чрез уши иль глаза?*

Идея такой формы была навеяна актуальными обстоятельствами: я в тот момент как раз закончила работу над кандидатской диссертацией, посвященной эволюции образного языка французского любовного сонета второй половины XVI века (папин знакомый, профессор химии Владимир Николаевич Сигаев, помнится, сказал: «Уважаю вашу дочь за неактуальность темы!»). Одним из авторов, которых я изучала, был Агриппа д'Обинье – поэт, безусловно, выдающийся, но едва ли известный широкому кругу российских любителей поэзии; к тому же, д'Обинье знаменит

прежде всего своей «Трагической поэмой» о противостоянии католиков и гугенотов, а о существовании у него ещё и юношеских любовных сонетов, не опубликованных при его жизни и до сих пор целиком не переведённых на русский, и вовсе знают только узкие специалисты. Гости Ирины – артисты и сотрудники театра – конечно, слыхом не слыхивали ни о каком д’Обинье и, разумеется, не стали обвинять папу в том, что вместо благородного александрийского стиха он «подпихнул» им обычный пятистопный ямб и что рифмовка CCD EDE в терцетах больше характерна не для д’Обинье, а для Ронсара... Уверена, поздравление прошло на ура.

Кстати, недавно мне удалось отыскать прототип этого стихотворения: при всей моей нежной любви к неистовому Агриппе я, конечно же, не помню сюжетов всех его сонетов и, честно говоря, думала, что этот полностью придуман папой, а д’Обинье упомянут, так сказать, для красного словца. Однако же сонет этот существует, вот только папа точно не мог читать его хотя бы потому, что он не переведён на русский; по всей видимости, папа хотел воспеть Ирину в петраркистском духе и спросил у меня, нет ли среди моих сокровищ чего-нибудь подходящего. Из 44-го сонета «Гекатомбы Диане» мы с ним позаимствовали лишь основную мысль, а именно: что дама сердца поэта настолько прекрасна внешне, что, глядя на неё, невозможно одновременно её слушать, но и слыша её дивный голос, нет сил ещё и смотреть на неё – именно поэтому сердце поэта уже готово вырваться из его груди и лететь к возлюбленной, только не решило, сделать ли это через уши или через глаза. Основную часть папа сочинил сам, причём его начитанность и эрудиция позволили ему очень к месту добавить «богиню», «небесные черты», «смертных порожденье» и прочие характерные для петраркистских сонетов – вернее, для их русских переводов – слова и выражения, отсутствующие в оригинальном сонете, но смотрящиеся очень органично. Ибо папа хоть и не был поэтом, но стилизатором был отличным.

* * *

Поскольку моя школьная жизнь проходила ещё в СССР, нас заставляли выписывать газету «Ленинские искры». Газета, кстати, была очень неплохой, по крайней мере я её читала с удовольствием, и никакой марксистско-ленинской идеологии я там не помню. Однажды, когда я была классе в четвертом (т. е. примерно в 1987 году), в «Ленинских искрах» объявили конкурс буриме: нужно было придумать четверостишие со следующими рифмами: «КИСА – АЛИСА – БЕД – СЕКРЕТ». Я сразу же захотела поучаствовать, но, к сожалению, папин талант стихотворца мне не передался, да и вообще я была домашней девочкой, которая точно не стала бы что-либо предпринимать, не посоветовавшись с родителями. В ту пору папа был ещё не в такой мере загружен научной работой и тяжёлыми думами, поэтому с энтузиазмом включился в игру. Стишок был при-

думан минут за десять. К сожалению, моя память не сохранила, сколько в нём было от каждого из нас, но думаю, что не сильно погрешу против истины, сказав, что папин вклад был существенно больше. Слова «Алиса» и «Секрет» сразу навели нас на мысли о соответствующих музыкальных группах (неизвестно, имели ли их в виду авторы конкурса), а папе удалось изящно увязать их в одной фразе. Получившийся шедевр звучал так:

*То, что маленькая киса // Любит бит-квартет «Алиса»,
Принесёт ей много бед, // Так как я люблю «Секрет».*

Опус был немедленно отправлен в газету, после чего мы благополучно о нём забыли. Каково же было наше удивление, когда в одном из следующих номеров мы прочли, что четвероклассница Катя Никитина заняла первое место!

Однако история на этом не закончилась. Через несколько дней после публикации результатов конкурса меня разыскала восьмиклассница моей же школы и в буквальном смысле припёрла к стенке в школьном туалете. «Ты знаешь вообще, что такое «Алиса»? Что ты написала, идиотка? Какой ещё «бит-квартет»?» – выговаривала мне эта девица, казавшаяся мне, 10-летней, взрослой теткой. «Не знаю», – честно ответила я. «Ну ты хоть знаешь, сколько в квартете человек, тупица?» Уж конечно девочка из интеллигентной семьи, с пяти лет игравшая на фортепиано, это знала. «Четыре», – гордо ответила я. – «А в «Алисе» сколько?!» – грозно продолжала разъярённая алисоманка. – «Понятия не имею», – призналась я. – «Шесть!!!» – проорала девица, наконец отпуская меня.

Когда я стала постарше, я, конечно, поняла, какую фантастическую чушь мы с папой сморозили, назвав рок-группу «Алиса» бит-квartetом (и дело, конечно, не в количестве участников). Бит-квartetом как раз был «Секрет»: видимо, мы оба где-то слышали эти слова вместе, вот они и выплыли. В тринадцать лет, после гибели Виктора Цоя, я сильно увлеклась группой «Кино», а заодно стала слушать и «Алису». Но в десять я не знала об «Алисе» ничего, кроме названия, а папа и вовсе был бесконечно далёк от современной музыки – хоть рок, хоть поп, хоть бит. Пожалуй, самое удивительное в этой истории для меня – это то, что уровень познаний у редакции молодёжной газеты был ничуть не выше!

* * *

У меня долго не складывалась личная жизнь. В процессе поиска «своего» человека я, конечно, набивала собственные шишки, но одновременно почитывала и популярные книги об отношениях полов вроде известного сочинения Джона Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры». Лет до двадцати пяти у меня было чёткое убеждение, что все мужчины имеют некую общность, которая принципиально отличает их от женщин.

Поэтому я регулярно приставала к папе с вопросами типа: «А вот как мужчина поступит, если...?» Поначалу он что-то неохотно объяснял, но очень быстро подобные вопросы стали его раздражать, и он стал неизменно отвечать: «МУЖЧИНЫ НЕ ЧЕРВИ!!!» Имелось в виду, что черви все примерно одинаковые, чего не скажешь о мужчинах. Теперь, с высоты собственного жизненного опыта с одним неудачным и одним очень счастливым браком, я понимаю, как он был прав: мужчины действительно все абсолютно разные. Как и женщины, конечно.

* * *

Видя мои попытки найти «того самого человека», папа любил приводить замечательный алгоритм (понятия не имею, где он его прочитал³): «Найти мужа очень просто. Нужно просто отбросить первую треть и выбрать из второй трети первого же кандидата, который окажется лучше всех предыдущих». Совет этот был совершенно замечателен в своей абсурдной невыполнимости. Он напоминает мне ещё более простой совет, который папа тоже любил цитировать: «Чтобы поймать воробья, нужно насыпать ему соли на хвост». В детстве я удивлялась, переспрашивала: «Нет, правда?», но папа лишь загадочно улыбался.

* * *

Наша с Лёшей свадьба, июнь 2009 г.

Папа относился к моему второму мужу с большим уважением. За время жизни на Тайване мой будущий муж Лёша (кстати сказать, сын папиной однокурсницы Ирины Лопатухиной) обзавёлся не только китайской женой, но и тремя кошками. Когда они с женой расстались, та уехала в другую страну и оставила двух кошек (третья к тому моменту умерла) на Лёшу. Лёша ещё некоторое время пытался устроить свою жизнь на Тайване, после чего принял решение вернуться в Петербург. Кошек он взял с собой, для чего оформил им документы, и они отправились в долгое путешествие в багажном отсеке с пересадкой в Амстердаме. Папа часто говорил, что на Лёшином месте «любой нормальный человек» не стал бы заморачиваться и выпустил бы кошек на ближайшем пустыре (я, впрочем, сильно со-

3 Это алгоритм решения классической оптимизационной задачи из теории вероятностей – задачи об остановке выбора, часто именуемой «задачей о разборчивой невесте». Правда, там фигурирует число $1/e$, но для нематематика $1/3$ является хорошим приближением. – Прим. ред.

мневаюсь, что сам он так бы поступил), но для Лёши такой вопрос даже не стоял. Лёшино чувство долга («Мы в ответе за тех, кого приручили» – стоит прибавить, что кошки не были ценными и породистыми, а все в своё время были подобраны) папу поражало и восхищало.

* * *

Подозреваю, что папа до некоторой степени страдал от довольно ранней потери волос, долгое время пытаясь маскировать лысину «заёмчиком». Меня неизменно смешило, когда он называл какого-нибудь весьма неказистого на мой взгляд мужчину красавцем. «Пап, ну что в нём красивого?» – «Ну ты посмотри, волосы-то какие!»

* * *

Папе довелось много путешествовать. В юности он поехал по СССР, в том числе и автостопом, бывал в экспедициях со своим отцом-геологом. За границей он впервые оказался в конце восьмидесятых – сначала в Польше (конечно, мы тут же вспомнили поговорку «Курица – не птица, Польша – не заграница»), потом в ГДР и, наконец, в ФРГ, которая ему так понравилась своим идеальным порядком, чистотой, а главное – своей продуманностью и приспособленностью для жизни, что он заявил, что вот, пожалуй, страна, в которой он хотел бы жить. Но все «главные» путешествия были ещё впереди. Из каждого города, даже небольшого, мои родители – а потом и я, когда мне доводилось путешествовать отдельно, – стали привозить декоративную фарфоровую тарелочку с каким-нибудь городским видом, которая вскоре занимала своё почётное место на стене. Постепенно таких тарелок набралась не одна сотня: коллекция переползала на соседние стены и неумолимо двигалась всё ближе к нашему четырёхметровому потолку.

Настоящей страстью для всей нашей семьи стала Италия. Папиными любимыми городами, как и моими (я оказалась в Италии чуть позже), сразу же стали Венеция и Рим. Флоренцию мы с папой, в отличие от мамы, поначалу недолюбливали – мы с ним проникнемся её очарованием позже, после того как взглянем на неё с высоты пьяццале Микеланджело: независимо друг от друга мы придём к выводу, что это, пожалуй, самый красивый вид на город, который мы видели.

Папа и мама на пьяццале Микеланджело,
июнь 2019 года

Но сначала была Венеция, в которой папа побывал первым из нашей семьи. Я уже не помню, в каких именно выражениях он описывал свои впечатления, зато прекрасно помню, как, выложив после поездки все подарки, он с замиранием сердца бережно достал самое главное – аккуратно завернутые в бумагу две фарфоровые венецианские маски. Дело было в середине 1990-х. Это теперь венецианские маски (по большей части сделанные в Китае) всех цветов и размеров, из самых разных материалов, на любой вкус и кошелёк можно купить, наверное, даже в деревне Гадюкино, а тогда они были диковинкой. Мы с мамой, конечно, слышали, что в Венеции каждый год происходит карнавал, но о стиле костюмов не имели реального представления (напомню, что интернета и цифровых камер тогда ещё не было). На карнавале нам всем посчастливится побывать ещё только через 7 лет, но уже тогда, оказавшись среди сувенирных лавок, полных карнавальных масок – из фарфора, керамики, картона, папье-маше – папа был наповал сражён изысканностью культуры венецианского карнавала. Тогда же он привёз первый календарь с карнавальными фотографиями; их будет ещё много в нашей жизни, но лучшим останется тот, первый, с великолепными фотографиями Фульвио Ройтера.

Папа в обществе маски. Венеция, февраль 2008 года

Те две маски положили начало нашей коллекции, которая с тех пор пополнилась ещё парой десятков экземпляров. Однако вскоре оказалось, что форм и особенно лиц весьма ограниченное количество, а покупать одинаковые маски, различающиеся лишь цветами, папе не хотелось.

Папа и мама в обществе масок, 2008 год

* * *

За долгие годы путешествий в Италию нам довелось познакомиться со многими итальянцами. С большинством из них мы сходились легко: нам всем казалось, что со своей открытостью, искренностью, чувством юмора итальянцы гораздо ближе к нам, чем, например, французы. Помимо прочего, папа ценил итальянцев за безупречный вкус, который проявляется даже в самых бытовых вещах. В особый восторг приводили его флорентийские магазинчики: «Ты только посмотри, КАК они оформляют витрины! Нет, этому невозможно научиться, с этим можно только родиться!» – говорил он.

* * *

У папы были несомненные способности к языкам. Как рассказывала в своих воспоминаниях моя тётя, Наталья Никитина, в детстве её брат ходил в так называемую «прогулочную группу», которую вела обрусевшая немка: она с детьми и гуляла, и играла, при этом разговаривая с ними только на немецком. Папа очень высоко ценил этот опыт, который, воз-

можно, дал ему благотворный импульс на всю жизнь, научив не бояться выражать свои мысли, наплевав на ошибки. В школе отец учил французский (пару лет даже мотался ради французской спецшколы на другой конец города), затем несколько лет учил английский с частным преподавателем. Кстати сказать, в отличие от французского, английский он никогда не любил и использовал его исключительно в утилитарных целях. Когда в Риме, на Аппиевой дороге, мы неожиданно познакомились и впоследствии подружились с парой немолодых немцев, папа без труда сразу же стал разговаривать с ними на немецком, которым перед этим не пользовался лет сорок. Выученное в детстве уже не забывается, говорил он, настаивая на том, чтобы моя дочь с ранних лет занималась английским.

Должна сказать, что во всех языках, на которых папа говорил, у него был довольно сильный русский акцент (французы почему-то называли его бельгийским); он, конечно, делал ошибки, однако мог без малейшего труда обсудить на французском, английском или немецком практически любую тему. Начав регулярно ездить в Италию, мы с мамой кое-как выучились говорить по-итальянски (если знать несколько секретов фонетических соответствий между французским и итальянским, понимать и даже говорить становится не так уж трудно); папа тоже постепенно нахватался итальянских слов и фраз. Об итальянской грамматике у него не было ни малейшего представления, тем не менее благодаря языковому чутью и отсутствию языкового барьера ему удавалось кое-как объясниться в случае, если собеседник не знал других языков, а нередко и внести вклад в общую беседу на интересную тему. Помню забавный случай: у папы возникли какие-то сложности с приглашением для визы, и он был вынужден позвонить на мобильный своему доброму знакомому, уважаемому миланскому профессору Чифарелли. Почему-то папа решил начать разго-

Мы с профессором Чифарелли в Милане, сентябрь 2002

вор по-итальянски, но перепутал форму глагола и вместо Puoi aiutare? («Ты можешь помочь?») – личные местоимения в данной функции итальянцы обычно не используют) сказал Posso aiutare? («Я могу помочь?»). Почтенный профессор, который, как оказалось, в тот момент находился в Америке, где была глубокая ночь, вероятно, был сильно удивлён, но, услышав столь необычный вопрос с другого конца света в четыре утра, сохранил спокойное достоинство.

Другая забавная история связана с французским языком. Папа вместе со мной и мамой в очередной раз приехал читать лекции в Париж. Там нас опекала профессор вьетнамского происхождения по фамилии Ту (скорее всего, по-вьетнамски это должно было звучать примерно как Тху, но говорили-то мы с ней на французском, а в нём звука «х» нет). Мы не могли удержаться от смеха, когда Т(х)у звонила и говорила в трубку: «Яков? Сэ ту!» (она имела в виду «Яков, это Ту», но на слух это звучало так же, как «Яков, это всё / всё кончено»). Выяснилось, что в квартире, которую нам предоставили, очень холодно (дело происходило в необычно промозгом январе), и Т(х)у притащила нам обогреватель. Когда кто-то из французов забеспокоился, не умираем ли мы там от холода, папа гордо ответил: Pas de problèmes! J'ai un chauffeur! («Никаких проблем! У меня есть шофёр!») Видимо, папа не знал, как сказать «обогреватель», но сообразил, что это то, что греет (греть – chauffer), а значит, если прибавить к этому глаголу какой-нибудь более-менее подходящий суффикс, выйдет что-то похожее на то, что надо. Между тем, получившееся слово chauffeur к обогревателю отношения не имеет, а означает «шофёр, водитель», а также «истопник». Наградой папе за его словотворчество стал дружный смех задавшего вопрос француза и нас с мамой. Однако полагаю, что папин ответ, несмотря ни на что, был понят, а ведь именно это, в сущности, самое главное.

* * *

Поскольку я упомянула папино обучение в школе, позволю себе поделиться забавной деталью, которую я, по понятным причинам, знаю только с его же слов. Папины школьные годы были, среди прочего, замечательны своим... количеством. Благодаря мудрой еврейской бабушке ему удалось за девять лет окончить школу, несмотря на то, что как раз в это время к десятилетке добавили 11-й класс. Дело в том, что Яшенька родился в январе, и предусмотрительная бабушка решила, что идти в первый класс в 7 лет 8 месяцев ему нет смысла (в 6 лет и 8 месяцев в школу не брали). Бабушка сама преподавала смышлённому мальчику программу первого класса и, когда ему не было ещё и 8 лет, отправила его прямо во второй. Восьмой и девятый класс папа проучился во французской школе, а вот потом бабушка решила, что мальчику не стоит терять ещё два года жизни, когда можно пройти ту же программу за один год в заочной школе (кажет-

ся, единственной в городе), в которой 11-го класса не было. Именно благодаря этой хитрой стратегии мой отец окончил школу раньше и оказался почти на два года моложе своих однокурсников: большинство из них, включая мою маму, родились в 1945 году, а папа – в 1947.

Папа со своими родителями, бабушкой и сестрой Наташей. 1962 год

Здесь папе 16 лет

* * *

Однажды в студенческие годы вместе со своей командой по спортивному «Что? Где? Когда?» я поехала на фестиваль в Великие Луки. Как это часто бывает в России, все 12 часов в поезде наша команда, с половиной которой я была прежде знакома более чем поверхностно, предавалась приятной беседе на актуальные темы вроде «Французской поэзии эпохи романтизма» или «Истоков европейского антисемитизма». Утром один из членов команды задумчиво сказал мне: «Послушай, Катя, ты, видимо, очень уважаешь своего папу». – «Да?» – удивилась я, потому что вроде бы речь была не о нём. «Ага, – продолжил юноша. – Потому что ты всё время его цитируешь».

* * *

То, что папу интересовала личность Наполеона – довольно известный факт. Но мало кто знает, что ещё больше его интересовала личность Сталина. Конечно, в этом интересе не было ни какого бы то ни было оправдания, ни тем более одобрения деяний «отца народов». В то же время

папа был убеждён, что Сталин отнюдь не был примитивным людоедом, поскольку сталинская жестокость носила парадоксальный характер. Он довольно много читал о Сталине, особо отмечая неортодоксальность его мышления и поступков, которая проявилась, например, в истории с Мандельштамом. Как известно, Осип Эмильевич написал и прочёл десятку знакомых антисталинский памфлет «Мы живём, под собою не чуя страны...», за который по тем временам его могло ожидать лет 10 лагерей, если не расстрел. Однако Сталин не действовал настолько прямолинейно: он написал на деле поэта свою резолюцию «изолировать, но сохранить», после чего Мандельштаму дали более чем мягкое наказание – всего лишь ссылку (по мнению одного из моих университетских лекторов – потому что на самом деле стихотворение, создающее жуткий образ всемогущего тирана, Сталину понравилось). Этому предшествовал личный звонок Сталина Пастернаку, во время которого вождь спросил поэта о собрате по перу: «Но он же мастер, мастер?..», правда, Пастернак так толком ничего и не ответил.

Папа также ценил и собирал анекдоты о Сталине – как просто шутки, так и истории, будто бы имевшие место в реальности. Например, он любил цитировать рассказ о том, как однажды Сталин посетил спектакль «Отелло». Когда у вождя заинтересовались его мнением, тот якобы ответил: «А этот – как его? – Яго – неплохой организатор».

* * *

Мои школьные годы пришлись на слом эпох (1983–1993). С одной стороны, уже очень многое можно было говорить и обсуждать, с другой – советское наследие ещё никуда не делось. Как у многих подростков, одним из моих любимых предметов была литература. Мы живо обсуждали героев русской классики с подружками, а с учительницей до хрипоты спорили о том, прелестное дитя Наташа Ростова или просто дура. Однако то, что было хорошо в устных беседах, плохо годилось для сочинений. Несколько раз я попыталась было выразить в них своё мнение, но получила от учительницы (кстати, довольно молодой и «прогрессивной») суровую отповедь. Иногда я обращалась за помощью к папе. Из нашего «сотрудничества» мне вспоминается письменная работа по рассказу Льва Толстого «После бала», в котором герой случайно – естественно, после бала – видит, как отец барышни, в которую он влюблён, красавец-полковник, только что вызывавший его восхищение, безжалостно прогоняет сквозь строй со шпицрутенами какого-то несчастного солдата. После этого эпизода вся любовь героя вмиг улетучивается. Я не помню, как точно формулировался вопрос, на который нужно было дать ответ, но, вероятно, речь шла о лицемерии. Требовалось изложить, что Толстой изобличает двуличие и фальшь тогдашнего общества: блестящий полковник оказывается чудовищем, после чего у героя, так сказать, пелена спадает с глаз и

он не может больше и помыслить ни о свадьбе с дочерью полковника, ни о поступлении на военную службу. В мои тринадцать лет всё это было мне ещё не вполне ясно, и я отправилась за советом к папе. Тот объяснил, что с посылом рассказа не согласен, потому что, во-первых, как известно, сын за отца не отвечает, а во-вторых, полковник выполнял свои должностные обязанности и, вероятно, вёл себя так же, как большинство тогдашних офицеров. Точно помню аргумент: «И вообще, многие фашистские палачи были хорошими семьянинами, и в этом не было никакой фальши. В жизни не всё так прямолинейно». Последнее заявление добило мою учительницу, и она устроила мне разнос. После этого и нескольких других подобных случаев (уже без папиного участия) я хорошо усвоила: если хочешь пятерку и золотую медаль, не выпендривайся и пиши то, чего от тебя ждут. Онегин и Печорин – «лишние люди», Катерина – «луч света в темном царстве», в «Войне и мире» Толстой описывает «роевую жизнь человечества» и далее по списку. Хочется верить, что сейчас что-то изменилось, но об этом я пока судить не могу.

* * *

О следующем факте я знаю только с папиных слов. Когда-то очень давно, во время сентябрьской картофельной страды в совхозе, у них с товарищами, из которых, возможно, кто-то сейчас читает эти строки, была, конечно, картошка, а вот поджарить её было не на чем. Но была ещё банка шпрот, и решение нашлось – шпротное масло! Папа рассказывал, что получившееся блюдо было вполне съедобно... вот только «осадок» после этого остался такой, что никогда больше он шпрот в рот не брал. Всё это произошло задолго до моего рождения. Я человек относительно всеядный: вещей, которые я не ем совсем, довольно мало. Одна из них – шпроты, хотя я даже не могу точно утверждать, что они мне не нравятся, ведь я их никогда в жизни не пробовала, просто один их вид наполняет меня ужасом. Приобретённые признаки точно не наследуются?

* * *

Отношения с техникой у папы были сложные. С одной стороны, он вполне неплохо владел компьютером (именно он меня – а не я его – в далёком 1996 году учил работать в Windows 95, в Norton Commander, в завораживающей непонятными бегущими буквами почтовой программе UUCP), освоил все необходимые для работы программы, включая TEX. А вот со смартфоном он управлялся гораздо менее ловко, чем мама. Из курьёзов, связанных с взаимодействием с техникой, приведу такой: когда папа в начале двухтысячных единственный раз в жизни был в Канаде, у него был с собой типичный для того времени цифровой фотоаппарат, который умел снимать не только фото, но и видео. Поскольку последние делались без звука и длились не более 30 секунд, никто ими не пользо-

вался. В какой-то момент своего канадского путешествия папа ухитрился не только включить на своём аппарате режим видео, но и в течение нескольких дней этого не замечать. В результате нажатия кнопки, которая в нормальном режиме делает фото, запускалась съёмка видео. Будучи уверенным, что делает фотографию, через секунду папа опускал фотоаппарат вниз, но тот честно продолжал снимать. Итог – уникальная семейная коллекция мини-видео монреальского асфальта!

Это фото не из той «коллекции», но из той поездки. Ниагарский водопад, май 2005 года

* * *

Папе была свойственна свехосторожность и, пожалуй, даже скрытность в плане разглашения обстоятельств своей жизни. Он, конечно, никогда не врал, но часто что-то недоговаривал *на всякий случай*. Буквально сидя на чемоданах за пару часов до отъезда в зарубежную командировку, он мог сказать собеседнику по телефону: «Возможно, я в скором времени куда-то поеду...» Когда я удивлённо спрашивала: «Но почему?», он отвечал: «А зачем посторонним людям знать ВСЮ правду? Зачем эта душа нараспашку?» Иногда это было вполне оправданно: например, его нервировало, когда посторонние видели нас на лестнице с чемоданами: сразу ясно, что люди куда-то едут, и явно не на пару дней – кто знает, не придёт ли невольным свидетелям в голову залезть в квартиру, пока нет хозяев? Признаться, мне тоже не по себе в подобных ситуациях.

Порой же доходило до смешного. Так, когда папа звонил в жилконтору в случае, скажем, поломки лифта и там просили назвать фамилию и номер квартиры (что само по себе довольно странно, ведь лифтом пользуются все жильцы), он обычно называл номер квартиры над нами и фамилию «Антонов», хотя означенный Антонов умер ещё до моего рождения.

Последняя связанная с этим история случилась за несколько дней до папиной смерти. Кто-то из коллег переслал ему замечательную викторину Ольги Леонтьевой по «Евгению Онегину», где нужно было вставить в, казалось бы, известные цитаты цифры: либо «два», либо «три». Задание оказалось не из лёгких. Бурное обсуждение за вечерним чаем всей семьёй (мама, папа и я с мужем; дочку в это время уже уложили в кровать) длилось не менее часа. Чёрт знает, сколько пар женских ног было трудно найти в России? («...только вряд / Найдёте вы в России целой / Три пары стройных женских ног»). Конечно, все прекрасно помнят цитату... ну то есть не прекрасно – вот как раз кроме числительного... сколько же их было: две или три? Ещё интереснее было с цитатами, которых никто не помнил – тогда начиналась бурная дискуссия: сколько же раз в год говели Ларины, два или три? Поста вроде бы в году четыре, но вариант «4» не предлагается, к тому же, может быть, не каждый пост сопровождается говением? (признаться, среди нас нет специалистов по православию). А сколько минут Онегин беседовал с Ольгой между двумя вальсами? Если Пушкин хочет нам показать, насколько Онегину на самом деле безразлична Ольга, значит, две? Или между танцами нужно передохнуть хотя бы три минуты? Иногда мы проговаривали фразы про себя, пытаясь понять, какой вариант лучше звучит. Например, дети «от тридцати...» – до двух или до трёх годов? Стал бы Пушкин в одной строке ставить рядом два однокоренных слова, характерны ли для него подобные созвучия?

Почему я рассказываю об этом именно в этой части моих воспоминаний? Потому что перед началом теста предлагалось ввести своё имя для получения сертификата. Папа сразу заявил, что настоящим именем подписываться не будет: «Вот ещё позориться! Вдруг коллеги узнают?» Все оживленно принялись придумывать псевдоним. Перебрав несколько десятков вариантов, папа остановился на имени «Алексей Каренин» (его симпатии всегда были на стороне именно этого из двух Алексеев в жизни Анны). Помню, как мы от души хохотали. Это чаепитие со страстным обсуждением пушкинского текста осталось в моей памяти как очень яркое воспоминание. В конце концов, не каждый день удавалось собраться всей семьёй, никуда не торопясь, чтобы обсудить интересную всем четверым тему. Это был момент абсолютного счастья. И, конечно, никто не предполагал, что всего через несколько дней наша жизнь разделится на «до» и «после».

* * *

Лет 20 назад папа где-то вычитал – то ли в газете, то ли уже в интернете – стихотворение малоизвестного поэта первой половины XX века Ивана Тхоржевского, которое, наверное, теперь известно многим:

*Лёгкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как мрачно всё кругом.
Бог ответил: подожди немного,
Ты ещё попросишь о другом.
Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить.*

Папу, совсем ещё не старого человека, оно сильно впечатлило, чем он и поделился с нами. Помню, как я тогда замахала руками: «Пап, да ну, я не согласна, и вообще брось, тебе рано думать о смерти!» Однако стихотворение (с посылом которого я по-прежнему не согласна) запомнилось и мне.

Папа почувствовал себя плохо лишь в последний день, 22 июня 2020 года. По-видимому, всё произошло мгновенно. Что ж, его желание сбылось. А у меня в голове всё звенят эти две последние строки.

Мы с папой, декабрь 2005 года